

Оглавление

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	63
Глава 5	75
Глава 6	84
Глава 7	110
Глава 8	163
Глава 9	173
Глава 10	194
Глава 11	208
Глава 12	236
Глава 13	261
Глава 14	273
Глава 15	289
Глава 16	305
Глава 17	326
Глава 18	338
Глава 19	348
Глава 20	361
Глава 21	378
Глава 22	403

Глава 23	425
Глава 24	444
Глава 25	463
Глава 26	487
Глава 27	496
Благодарности	506

*Ли и Сэди,
лучшие вещи в вашей жизни не появятся
просто так. Они всегда будут иметь свою цену.
Но в идеале (для меня) они никак не будут
связаны с маленькими самолетами.*

Пролог

15 ноября, 1993

Анкоридж, Аляска

Рен ставит два темно-синих чемодана рядом с коляской, затем прикуривает сигарету, шатко сидящую между его губами, и делает долгую, медленную затяжку. Он выпускает дым в холодный воздух.

— Только эти?

— И сумка с пеленками.

Я вдыхаю мускусный запах. Всегда ненавидела табачную вонь. И до сих пор ненавижу, за исключением тех случаев, когда она исходит от Рена.

— Точно. Пойду схожу за ней, — говорит он, бросая окурки на заснеженную землю и раздавливая его ботинком.

Рен дышит на свои сжатые вместе мозолистые ладони, пока спешит, сгорбив плечи, обратно на площадку, где «Цессна»¹, доставившая нас сюда, ожидает часового перелета домой.

¹ Американский легкий самолет, выпускаемый одноименной компанией.

Я молча наблюдаю за происходящим, ежась на ледяном ветру в своем плюшевом, набитом пухом пальто, и яростно сдерживаю обиду, которую вынашиваю уже несколько месяцев. Если я перестану это делать, меня быстро захлестнет боль разочарования и предстоящей потери, и я не смогу пройти через то, что мне предстоит.

Рен возвращается и ставит увесистую красную сумку на асфальт как раз в тот момент, когда за моими вещами подбегает носильщик. Они обмениваются любезностями, будто это обычная доставка пассажиров, прежде чем носильщик уносит мои вещи.

Мы остаемся в напряженном молчании.

— Итак, во сколько ты прилетаешь? — наконец спрашивает Рен, почесывая неизменную коричневую щетину на подбородке.

— Завтра в полдень. По времени Торонто.

Я молюсь, чтобы Калла выдержала десять часов пути. Хотя ее срыв мог бы отвлечь меня от своего собственного. По крайней мере, следующий самолет будет солидным, в отличие от тех крошечных штуквин, на которых настаивает Рен. Боже, как я вообще могла подумать, что выйти замуж за убежденного пилота легких воздушных судов — хорошая идея?

Рен кивает сам себе, а затем берет нашу сонную дочь из коляски на руки.

— А ты? Готова к своему первому путешествию на большом самолете?

От его широкой улыбки, обращенной к дочери, у меня замирает сердце.

В сотый раз я задаюсь вопросом, не поступаю ли как эгоистка. Должна ли я стиснуть зубы и терпеть страдания, изоляцию Аляски? В конце концов, я сама застелила постель, из которой теперь бегу. Мой отец не преминул напомнить мне об этом, когда я призналась родителям, что жизнь с Реном не так романтична, как я себя убеждала. Когда поняла, что за последний

год плакала по меньшей мере раз в день, особенно во времена мучительно долгой, холодной, темной зимы, когда мало дневного света. И что я ненавижу жить в последнем великом американском фронтире; что жажду быть ближе к семье и друзьям, к городской суете моего детства. К моей собственной стране.

На лбу Рена появляется глубокая морщина, когда он целует в нос нашу счастливую, забывчивую семнадцатимесячную малышку и ставит ее на землю. Она с трудом передвигается, ее коренастое тельце обтянуто толстым розовым зимним комбинезоном, который защищает от ледяного ветра.

— Ты же знаешь, что не обязана улетать, Сьюзан.

Так же быстро, как размякла, я снова затвердела.

— И что? Остаться здесь и быть несчастной? Сидеть дома с Каллой под лампой дневного света и ждать тебя, пока ты рискуешь жизнью ради кучки незнакомцев? Я больше так не могу, Рен. Каждый день тяжелее предыдущего.

Сначала я думала, что это послеродовая депрессия, но после месяцев полетов туда-сюда в Анкоридж только для того, чтобы поговорить с психотерапевтом и получить рецепт на антидепрессанты, которые делали меня вялой и не больше, я смирилась с тем, что гормоны тут ни при чем. А я-то, выросшая в Торонто, наивно полагала, что зимы на Аляске можно пережить. Что брак с любовью всей моей жизни перевесит любые трудности, в том числе трудности наличия мужа, чьи шансы умереть на работе в любой день тревожно высоки. Что моего обожания этого человека — и притяжения между нами — будет достаточно, чтобы преодолеть все, что Аляска взвалит на меня.

Рен засовывает руки в карманы своего пухового жилета в темно-синюю клетку и сосредотачивает внимание на огромном зеленом помпоне, украшающем вязаную шапочку Каллы.

— Ты хотя бы рассматривал возможность прилететь на Рождество? — осмеливаюсь спросить я, делая последнюю попытку.

— Я не могу взять столько отгулов, ты же знаешь.

— Рен, ты владелец компании!

Я вскидываю руку в сторону самолета, на котором Рен привез нас в Анкоридж, к логотипу «Дикая Аляска» на корпусе. И есть множество других самолетов с такой же эмблемой. Все они относятся к семейному бизнесу Флетчеров — чартерной компании, оставленной Рену после смерти его отца пять лет назад.

— Ты можешь делать все что захочешь!

— Люди рассчитывают, что я буду здесь.

— Я твоя жена! Я тоже рассчитываю на тебя! Мы рассчитываем на тебя!

Мой голос срывается от эмоций.

Рен вздыхает и разглаживает морщины на лбу.

— Мы не можем продолжать ходить по кругу. Ты знала, когда выходила за меня замуж, что мой дом — Аляска. Ты не можешь сейчас просто передумать и ожидать, что я брошу всю свою жизнь.

Горячие слезы обжигают мои щеки. Я яростно смахиваю их прочь.

— А как же моя жизнь? Неужели в этих отношениях я единственная, кто готов чем-то жертвовать?

Я точно не планировала влюбиться в американского чартерного пилота, когда была в Ванкувере на девичнике, но я влюбилась, и с тех пор все заботы о наших отношениях легли на меня. Я стремилась к этому с безрассудным рвением безумно влюбленной женщины. Переехала через всю страну в Британскую Колумбию и поступила на программу обучения садоводству, чтобы стать ближе к Аляске. А затем, когда я узнала, что беременна, то бросила учебу и переехала в родной город Рена, чтобы мы могли пожениться и вместе растить нашего ребенка. Только вот большинство дней я чувство-

вала себя матерью-одиночкой, потому что Рен всегда в этом чертовом аэропорту, или в воздухе, или строит планы, связанные с этим.

А с чем остаюсь я? Остывший ужин, младенец, который постоянно просит: «Па-па», и эта негостеприимная субарктическая почва, на которой мне повезло вырастить сорняки. Я просто продолжала отдавать этому человеку все, не понимая, что теряю сама себя в процессе.

Рен смотрит мимо меня, наблюдая за грузовым самолетом, взлетающим из близлежащего международного аэропорта. Похоже, он отчаянно хочет вернуться в воздух, подальше от этой бесконечной борьбы.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Если возвращение в Торонто — это то, что тебе нужно, я не собираюсь тебя останавливать.

Рен прав, мы не можем продолжать в том же духе, особенно если он не хочет ничем жертвовать, чтобы удержать меня рядом. Но как он может вот так просто отпустить нас? Когда я сообщила, что у меня билет в один конец, он лишь хмыкнул. Но, опять же, я не должна была удивляться. Выражение чувств никогда не было одной из сильных сторон Рена. Однако чтобы он вот так просто прилетел сюда и поставил наши вещи на эту холодную, твердую землю...

Может, Рен не любит нас достаточно сильно.

Я надеюсь, что моя мама права и несколько месяцев без жены, которая готовит ему еду и греет постель, приведут к изменению его мировоззрения. Он поймет, что может летать на самолетах куда угодно, включая Торонто.

Он поймет, что не хочет жить без нас.

Я делаю глубокий вдох.

— Я должна идти.

Рен смотрит на меня острыми серыми глазами, теми самыми, что пленили меня четыре года назад.

Если бы я знала, сколько душевной боли причинит мне этот суровый красавец, который сел рядом со мной в баре и заказал бутылку «Будвайзера»...

— Итак, думаю, увидимся, когда ты будешь готова вернуться домой.

В его голосе слышится редкая хрипотца, и это почти разрушает мою решимость.

Но я цепляюсь за одно слово, которое придает мне силы: «дом».

Вот и все: Аляска никогда не станет моим домом. Либо Рен действительно не видит этого, либо просто не хочет видеть.

Я сглатываю болезненный ком в горле.

— Калла, попрощайся с папой.

— Пока-пока, па-па.

Она сжимает ручку в варежке и одаривает папу зубастой ухмылкой.

Очевидно, что она счастлива, пока сердце ее матери разбивается.

Глава 1

26 июля, 2018

Этот калькулятор не мой. Я горько улыбаюсь, просматривая содержимое картонной коробки — зубная щетка, зубная паста, спортивная одежда, пачка салфеток, супербольшой флакон «Адвила»¹, косметичка с четырьмя губными помадами, лак для волос, щетка и шесть пар обуви, которые я держала под своим рабочим столом, — и обращаю внимание на дорогой настольный калькулятор. Я убедила своего менеджера, что он мне нужен, только в прошлом месяце. Сотрудник службы безопасности, которому было поручено убрать личные вещи с моего рабочего места, пока я была занята увольнением, очевидно, принял его за мою собственность. Возможно, потому что сверху несмываемым черным маркером на нем было нацарапано «Калла Флетчер» — попытка защиты от кражи со стороны моих хитрых коллег.

¹ Противовоспалительное и жаропонижающее средство.

За этот калькулятор заплатил банк, но к черту их — оставлю его себе.

Я держусь за крошечный кусочек удовлетворения, которое дает мне это решение, пока вагон метрополитена пронесется по туннелю линии Йонг и я смотрю мимо своего отражения в стекле в темноту. Я отчаянно пытаюсь игнорировать колючку, застрявшую в моем горле.

В это время суток в Транспортной комиссии Торонто так тихо и просторно, что я даже смогла выбрать место. Не могу вспомнить, когда такое было в последний раз. Почти четыре года я втискивалась в забитые вагоны и задерживала дыхание от смешения запахов тел и постоянной толкотни, пока ехала на работу и с работы в адские часы пик.

Но сегодня я еду домой по-другому.

Сегодня я только вытряхнула и закончила смаковать последние капли латте из «Старбакса» — огромный стакан — и нажала кнопку сохранить в утренних файлах в Excel, когда в моем почтовом ящике появилось сообщение от босса с просьбой спуститься в зал «Алгонкин». Я не стала долго раздумывать, схватила банан и блокнот и поплелась в небольшой конференц-зал на втором этаже.

Там я обнаружила не только своего начальника, но и его начальника, и Соню Фуэнтес из отдела кадров, которая держала между распухшими руками толстый манильский конверт с нацарапанным на нем моим именем.

Я села напротив них и тупо слушала, пока они по очереди произносили подготовленную речь: банк недавно внедрил новую систему, которая автоматизировала многие задачи в моей области аналитика по рискам, поэтому моя должность была ликвидирована; я образцовый сотрудник, и это ни в коей мере не является отражением моей работы; компания ока-

жет мне всестороннюю поддержку во время «переходного периода».

Возможно, я единственный человек в истории, который съел целый банан, пока терял работу.

«Переход» должен был начаться немедленно. То есть мне не разрешили вернуться к своему столу, собрать вещи или попрощаться с коллегами. Меня должны были проводить к стойке охраны, как преступницу, и передать мои вещи в коробке, а затем указать на выход. Стандартный протокол, когда увольняют сотрудников банка, по-видимому.

Четыре года я возилась с электронными таблицами до боли в глазах, целовала задницы самолюбивых трейдеров в надежде, что смогу рассчитывать на доброе слово при повышении, задерживалась допоздна, чтобы подменить других аналитиков по рискам, планировала мероприятия по тимбилдингу, не включающие в себя поношенные ботинки для боулинга и шведские столы с глутаматом натрия, и вот так просто все это обесценилось. После одной импровизированной пятнадцатиминутной встречи я официально стала безработной.

Я знала, что грядет внедрение автоматизированной системы. Я знала, что будут сокращать число аналитиков по рискам и перераспределять работу.

Но я по глупости убедилась, что я слишком ценна, чтобы оказаться среди уволенных.

Сколько еще голов упало сегодня?

Неужели только моя?

Боже мой. Что, если я единственная, кто потерял работу?

Я смаргиваю угрожающе нахлынувший поток слез, но несколькими все же удается вырваться. Быстрым движением я достаю из коробки салфетки и компактное зеркальце и начинаю аккуратно промакивать глаза, чтобы не размазать макияж.

Поезд метро останавливается с толчком, и несколько пассажиров входят в вагон, рассеиваясь внутри, как уличные кошки, чтобы занять место подальше от других. Все, кроме грузного мужчины в сапфирово-синей униформе. Он выбирает вишнево-красное сиденье наискосок от моего.

Я отвожу колени в сторону, чтобы они не терлись о бедро мужчины. Он поднимает смятый экземпляр журнала NOW¹, который кто-то бросил на сиденье рядом с ним, и начинает обмахиваться им, испустив тяжелый вздох с запахом пастрами.

— Может, мне стоит просто побыть здесь, внизу, где прохладно. Там, снаружи, при такой влажности, будет просто ужас, — бормочет он, ни к кому конкретно не обращаясь. Он вытирает ладонью бисеринки пота, стекающие вниз по лбу, кажется, не замечая исходящего от меня раздражения.

Я делаю вид, что не слышу его, потому что ни один здравомыслящий человек не ведет пустых разговоров в метро, и достаю телефон, чтобы перечитать сообщения, которыми мы с Кори обменялись ранее, когда я стояла в оцепенении на Фронт-стрит, пытаюсь осмыслить произошедшее.

«Меня только что уволили».

«Черт. Мне жаль».

«Мы можем встретиться за чашечкой кофе?»

«Не могу. Завален. Весь день с клиентами».

«Вечером?»

«Посмотрим. Позвонить тебе позже?»

Знак вопроса в конце говорит о том, что сейчас Кори не готов даже сделать быстрый телефонный звонок, чтобы успокоить свою девушку. Конечно, я знаю, что в последнее время он перегружен. Реклам-

¹ Бесплатная альтернативная еженедельная газета и онлайн-издание в Торонто.

ное агентство, в котором Кори работает, заставляет его вкалывать круглые сутки, чтобы попытаться угодить их самому крупному и самому непокорному корпоративному клиенту, и Кори должен провести эту кампанию, возможно, тогда у него появится хоть малейшая надежда получить повышение, которого он добивается почти два года. За последние три недели я видела Кори всего два раза. Я не должна удивляться, что он не может просто бросить все и встретиться со мной.

Тем не менее мое разочарование разбухает.

— Знаешь, в такие дни мне хотелось бы быть женщиной. Вы, девушки, можете обойтись гораздо меньшим количеством одежды.

На этот раз потный мужчина обращается ко мне. И смотрит прямо на меня, на голые ноги, которые открыла его взору моя черная юбка-карандаш.

Я бросаю на него ровный взгляд, затем сжимаю бедра вместе и отодвигаюсь подальше, позволяя своим длинным волосам цвета корицы прикрыть часть лица.

Наконец, мужчина улавливает мое настроение.

— О, у вас был один из тех дней. — Он указывает на коробку с вещами на моих коленях. — Не волнуйтесь, вы не одиноки. За годы я видел немало людей, которые вот так выходили из офисных зданий.

На вид ему около пятидесяти лет, в его курчавых волосах больше седины, чем темного цвета, и они почти не растут на макушке. При беглом взгляде на его рубашку я замечаю ярлык с надписью «Уборщики Уильямсонса». Он, должно быть, работает на одну из тех клининговых компаний, которые компании вроде моей нанимают по контракту. Я видела, когда работала допоздна, как эти уборщики неторопливо толкают свои тележки вдоль проходов в кабинки, стараясь не мешать сотрудникам во время опорожнения мусорных корзин.

— Я уволилась, — вру я, закрывая коробку крышкой, пряча ее от любопытных глаз. Рана, нанесенная моей гордостью, еще слишком свежа, чтобы говорить об этом с совершенно незнакомыми людьми.

Мужчина улыбается так, словно мне не верит.

— Так чем ты занимаешься?

— Риск-аналитик в банке.

Почему я все еще ублажаю потребность этого человека в разговоре?

Он кивает, как будто точно знает, что это такое. Если бы вы спросили меня, что это такое, четыре года назад, когда я получала диплом в Университете Торонто, я бы не смогла вам ответить. Но я все равно обрадовалась, когда поступило предложение о работе. Это был мой первый шаг в качестве молодой женщины-специалиста, нижняя ступенька корпоративной лестницы в центре Торонто. Полуприличная зарплата с льготами и пенсией, работа в крупном банке. Множество галочек в графе «хорошая карьера», особенно для двадцатидвухлетней женщины, только что окончившей учебу и имеющей хорошие способности к математике.

Вскоре я поняла, что работа аналитиком рисков сводится к тому, чтобы вводить в ячейки электронных таблиц цифры и следить за тем, чтобы формулы выдавали именно те ответы, которые тебе нужны. Это просто мартышкин труд. Честно говоря, по большей части мне было скучно.

— Так почему же ты тогда уволилась?

— Я не увольнялась, — наконец признаюсь я с дрожащим вздохом. — Ну, знаете, реструктуризация.

— О, да. Я хорошо это знаю. — Мужчина делает паузу, пристально изучая меня. — Но тебе нравилась эта работа?

— А кто-нибудь вообще любит свою работу?